

М. Ю. Нечаева

УРАЛЬСКОЕ МОНАШЕСТВО СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ*

Историки имеют уже немалую практику в применении баз данных (далее БД) — как в строгом значении этого термина, подразумевающим машиночитаемую форму, так и в более традиционном, т. е. — в виде различных картотек, структурированных по нескольким признакам.¹ Обычно БД создаются и с поисковыми, и с аналитическими целями, но во многих преобладает информационно-поисковая направленность.

Структура поисковых БД отражает практически сформировавшиеся блоки типичных информационных материалов, положенных в их основу, а облегчающие поиск дескрипторы обычно представляют собой слабо систематизированную систему ключевых слов (источникориентированные БД). Типичным примером таких поисковых баз являются библиографические, создаваемые как в библиотеках, так и отдельными исследователями (по более узкой проблематике). Поля «авторы», «название публикации», «название сборника», «место издания», «издательство», «год издания», «страницы» отражают формализованную структуру общепринятой библиографической записи, а ключевые слова выделяются составителями на

основании своего субъективного (хотя нередко и высокопрофессионального) опыта. Если это авторская БД, то список ключевых слов отражает прежде всего меняющиеся и углубляющиеся со временем интересы составителя в определенной области знания.

В основу исследовательских (проблемно-ориентированных) БД изначально закладывается гипотеза о взаимосвязи определенных характеристик объекта, а сама структура БД оптимальным образом должна способствовать выявлению таких связей. Создание исследовательских машиночитаемых БД в исторической науке оправданно при обращении к массовым источникам с устойчивой структурой, поскольку именно на больших массивах однотипной информации применение БД дает ощутимый эргономический эффект. По нашим наблюдениям, о таком эффекте имеет смысл говорить, если количество записей исчисляется хотя бы несколькими сотнями.

Использование машиночитаемых БД может ускорить анализ информации, минимизировать вероятность субъективных ошибок (например, вследствие невнимательности при работе с крупными массивами однородных данных), но само по себе не дает принципиально иной методики исследования. Поэтому необходимо изначально четко понимать алгоритм использования информации, вводимой в БД. Этим определяется выбор программной основы и структура БД.

При выборе программной основы возможны два пути — разработка программного обеспечения под потребности конкретного исследования или использование уже существующих стандартных программ. Для историков, в большинстве своем не обладающих глубокими познаниями в области программного обеспечения, наиболее подходит второй вариант, а наиболее предпочтителен — вариант использования БД из уже знакомых стандартных пакетов.

Надеемся, что для читателей будет представлять практический интерес описание опыта создания и использования в исследовательских целях просопографических баз данных по уральскому монашеству.

¹ См., например: Гарскова И. М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., 1994; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 350–362; Региональный банк данных: Урал в XX в.: тез. рабочего совещ. Екатеринбург, 1993; Брагина Е. М. Народное образование во второй половине 40-х–50-е годы (опыт создания базы данных по материалам Западной Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995; Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР. Нижний Тагил, 2001; Разинков С. Л. Социальный портрет и судьбы советских немцев — трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; перечень тематических БД федеральных и региональных архивов // <http://www.rusarchives.ru/bd/list.shtml>.

Нечаева Марина Юрьевна — к.и.н, заведующая сектором локальной истории и истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: atlasch@narod.ru

* Данное исследование проведено при поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры для инновационной России» (госконтракт № 14.740.11.0209 «Человек в условиях социально-культурных трансформаций российского общества в XVII–XX вв.»)

В настоящее время существует две такие машиночитаемые базы — по мужским и женским монастырям Среднего Урала.

Начало им было положено около 15 лет назад, когда в архивных фондах удалось выявить значительный массив ведомостей о монашеских различных обитателей региона в широком хронологическом диапазоне 1722–1923 гг., имеющих сходную структуру. Наличие этих источников позволило сформулировать цель исследования — анализ специфики монашеского образа жизни в православных обителях России синодального периода через составление типичного жизненного пути насельников и выявление основных факторов, его определявших. Для характеристики основных стадий жизненного пути предполагалось рассмотрение социального происхождения насельников, их жизни в миру до ухода в монастырь, а также таких вопросов, как возраст поступления в обитель, стадии жизни в монастыре (пребывание в статусе послушника, пострижение в рясофор и мантию, принятие великой схимы, для мужчин — принятие сана иеродиакона и иеромонаха), спектр выполняемых послушаний на каждой стадии жизни в монастыре (с учетом специфики труда — управленческого или исполнительского). Изначальная гипотеза предполагала историческую обусловленность жизненного пути в монастыре социально-демографическими (мирскими) характеристиками (происхождение, уровень грамотности, возраст, родственные связи, близость проживания к монастырю и др.) и опытом монашеской жизни (срок проживания в монастыре, преемственность послушаний, оценка усердия в исполнении послушаний и др.). Данные параметры имеются в исторической документации, положенной в основу БД.

Выявление жизненного пути насельников монастырей предполагало не изолированное изучение отдельных ведомостей, а прослеживание биографий на протяжении максимально возможных хронологических диапазонов. Таким образом, основой становилась реконструкция персоналий, а уже на их основе осуществлялось создание коллективных портретов и выявление типичных биографий.

Эта задача предполагала группировку информации из разных ведомостей по отдельным персоналиям, что удобнее всего было делать в картотеке табличной формы. Обработка первых массивов информации велась вручную, путем создания картотеки.

Однако научное обобщение материалов хотя бы по одному монастырю (на практике это был Верхотурский Николаевский монастырь — более 600 персоналий) при написании монографий о нем² привело автора к стойкому убеждению в необходимости использования машиночитаемой БД.

Выбор остановился на СУБД MS Access (версии 1992 г. и более поздние) — стандартной программе из пакета Microsoft Office с доступным пользовательским интерфейсом, знакомым гуманитариям по другой пакетной программе — Word.

Первоначальный опыт ведения картотеки на бумажных носителях позволил разработать систему полей, определить их типологию и оптимальный размер, унифицировать структуру записей, установить более четкий алгоритм анализа содержательных блоков информации (полей).

Возможности программной оболочки были апробированы на массиве данных о насельниках Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря (более 1600 персоналий). В сущности, эти возможности сводятся к операциям сортировки и выборки по одному или нескольким параметрам, однако при продуманном алгоритме действий эти операции позволяют получать компактные выборки записей по определенным параметрам, которые легко подвергнуть статистической обработке, перенести (знакомым гуманитариям образом — копированием через буфер обмена) в другую пакетную программу Microsoft Office — электронную таблицу Excel.

Учитывая сложившуюся специфику исторических исследований (необходимость цитирования фрагментов текста с сохранением стилистики источника, анализ значительных массивов нарративной информации), мы предусмотрели в БД поля для ввода дополнительных сведений по персоналиям из неосновных видов источников — из указов, прошений, рапортов, следственных дел и другой документации.

Сравнивая трудоемкость обработки массивов информации вручную и с использованием машиночитаемой БД, можно однозначно сделать вывод в пользу последней. Машиночи-

² Нечаева М. Ю. За стенами древней обители. Четыре века истории Верхотурского Николаевского монастыря. Екатеринбург, 2000. // Исторический атлас христианства в России: <http://atlasch.narod.ru>; Игумен Тихон (Загёкин), Нечаева М. Ю. Уральская Лавра. Екатеринбург, 2006.

таемая база, хотя и требует времени на заполнение, избавляет исследователя от рутинной работы по поиску информации и ее статистической обработке.

В дальнейшем просопографические БД были пополнены, и в настоящее время имеются две БД — по мужским и женским обителям. БД «Мужские монастыри Среднего Урала» состоит из таблицы, которая содержит 1440 записей, структурированных по 107 полям и представляющих материалы 89 ведомостей о монашествующих 7 православных обителей региона³ в хронологическом диапазоне 1722–1923 гг. Эта БД имеет госрегистрацию. БД «Женские монастыри Среднего Урала» также состоит из таблицы, которая содержит 5513 записей, структурированных по 85 полям и представляющих материалы 105 ведомостей о монашествующих 16 православных обителей региона⁴ в хронологическом диапазоне 1722–1920 гг.

Большинство полей создано в текстовом формате, допускающем объем записи до 255 знаков и возможности сортировки и группировки данных, достаточные для облегчения научного анализа. Наиболее объемные по информации параметры вводятся в формате МЕМО, не имеющем ограничений по объему, но не позволяющем проводить группировку информации компьютерными средствами. Ряд показателей (год рождения, смерти, поступления в монастырь, принятия пострига, рукоположения в рясофор, иеродиаконство и иеромонашество, возведения в игуменский и архимандритский сан) приведен в числовом формате, позволяющем проводить операции сортировки и группировки, который является и более компактным, чем текстовый. Структура БД предусматривает фиксацию разночтений в источниках, т. е. оптимально приближена к специфике исторического исследования.

Опыт использования этих БД показал их эффективность для исследований в рамках пред-

варительной гипотезы, а также для выявления ряда дополнительных характеристик российского монашества XVIII — начала XX вв., оказавшихся вне поля зрения историков.

Например, сопоставление материалов по различным обителям региона позволяет установить своеобразную структурированную сеть монастырей, связанных уставными нормами и управленческим опытом, передаваемыми через насельников, перемещаемых в административном порядке или переходящих по собственному желанию из обители в обитель.

Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь был не только крупнейшим на Урале и одним из крупнейших в России в XIX — начале XX вв., но и центром женского иночества на Восточном Урале, откуда другие монастыри и общины получали опытных рукодельниц и первых начальниц. В тесной связи с этим монастырем состояли Багарякская женская община, такие монастыри на Среднем Урале, как Каслинский Казанско-Богородицкий, Каменский Преображенский, Туринский Николаевский, Колчеданский Покровский, Верхотурский Покровский, и даже более отдаленный Межигорский Иоанно-Введенский женский монастырь (в 12 км от Тобольска).⁵

Интересные данные получены и о традициях монашеской жизни. В частности, анализ материалов БД позволил выявить локальные варианты «монастырской педагогики» — опыт определения на послушания, оптимальной организации труда в мастерских, значение образования в иноческой жизни.

Так, в женских общежительных монастырях в XIX — начале XX вв. существовал развернутый спектр послушаний, что позволяло оптимальным образом выявлять способности насельниц. Если в обитель поступали совсем

³ Белогорский Николаевский, Верхотурский Николаевский, Далматовский Успенский, Кыргомский Крестовоздвиженский, Невьянский Богоявленский, Пыскорский (Пермский) Преображенский, Соликамский Троицкий монастыри.

⁴ Бахаревский Серафимо-Алексеевский Богородице-Казанский, Бобровский Алексеевский, Верхотурский Покровский, Верхотурский Успенский, Верх-Теченский Введенский, Верх-Теченский Троицкий, Екатеринбургский Ново-Тихвинский, Каменский Преображенский, Колчеданский Покровский, Красносельский Введенский, Красносельский Иоанно-Предтеченский, Кунгурский Иоанно-Предтеченский, Нижнетагильский Скорбященский, Обвинский (Верх-Язвинский) Успенский, Пермский Успенский, Сарсинский Боголюбский монастыри.

⁵ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 670б., 68, 1290б., 130, 1830б., 184, 2410б., 242, 3240б., 325, 3390б., 340, 4210б., 422, 4340б., 435, 4940б., 495, 8930б.–896, 9550б.–960, 1067–1072, 11120б., 1113, 11180б., 1119, 11650б., 1166, 11780б., 1179, 12430б., 1244, 12880б., 1289, 12940б., 1295, 13020б., 1303; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 20б., 3, 390б., 40; ГАШ. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Керский С. Новотихвинский монастырь в городе Екатеринбурге. СПб., 1892. С. 14; Обтемперанский А. Празднование столетнего юбилея Ново-Тихвинского женского монастыря в городе Екатеринбурге // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. № 26. Отд. неофиц. С. 522; Грамматин А., священник. Иоанно-Введенский трехклассный женский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 19–20. Отд. неофиц. С. 399; Павловский С. Казанско-Богородицкий женский общежительный монастырь в Каслинском заводе Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 12. Отд. неофиц. С. 263–281; Лавринов В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 317–321.

юные девочки, первые годы их учили грамоте и рукоделиям, стараясь определить способности. Поступавшие во взрослом возрасте начинали, как правило, с «разных послушаний» — временных поручений, даваемых настоятельницей или экономкой монастыря. Это были и сельскохозяйственные труды на заимках, и хозяйственные хлопоты в самой обители. В Екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре, например, на «разных послушаниях» было занято более половины всех насельниц (в 1866 г. — 53,6 %),⁶ а в Верхотурском Покровском, менее состоятельном и более «сельском» по укладу жизни, в страдную пору черными работами занимались почти все. Способом выявления способностей был перевод с одного послушания на другое. Начиная с «разных послушаний», девушки со временем пробовали силы и в мастерских — в свечном производстве, золотошвейной мастерской, в вязании чулок, прядении, иконописании, — а также в чтении и пении в церкви. Некоторым из них суждено было сменить немало послушаний, некоторые сразу обнаруживали свое усердие и способности к чему-то одному. Например, на протяжении 1907–1913 гг. в Верхотурском Покровском монастыре лишь треть насельниц (32,9 %) остались на прежних работах, другие же по воле настоятельницы попробовали себя на разных поприщах, сменив послушания за 6 лет: один раз (37,8 % насельниц), два раза (23,2 %) и даже трижды (6,1 %), не считая сезонных выходов на сельскохозяйственные работы. Наиболее опытные в различных рукоделиях сестры, насельницы, обладающие управленческими способностями, со временем назначались «старшими» в мастерских или в хозяйственных службах. Само назначение «старшей» по послушанию не давало какой-то ощутимой власти. Скорее это было признание мастерства и духовного авторитета насельницы. Например, сестры Верхотурского Покровского монастыря, выполнявшие в 1907–1913 гг. послушания управленческого характера, прожили к тому времени в монастыре от 9 до 27 лет, в среднем — от 15 до 20. Родом они были из крестьянских семей; лишь две насельницы, занятые на административных послушаниях, происходили из мещан.⁷ Таковую же картину послушаний дает история Крас-

носельского Введенского монастыря в начале XX в. Социальное происхождение значения не имело: из 16 человек, занятых в обители в 1907–1908 гг. на послушаниях, связанных с исполнением управленческих функций, 14 были родом из крестьян (включая настоятельницу и казначею обители).⁸

Происхождение, состоятельность, образование — все то, что имело значение в миру, в монастыре не давало никаких преимуществ (это подтверждается отсутствием существенной корреляции указанных признаков с назначением на административные послушания). Здесь ценилось иное — усердие, самоотверженность, ответственность, — и монастыри действительно представляли собой локальные религиозные сообщества, строящиеся на иных, непривычных светскому миру, основаниях. Женские же монастыри в обществе, где еще не были окончательно изжиты домостроевские начала, демонстрировали редкие образцы самоорганизации женских коллективов, которые способны были жить своим трудом, воодушевленные служением Богу и желанием помочь ближнему.

Имелся в обителях и опыт замещения системы родственных связей родством по духу, признававшимся более адекватным целям иноческого бытия. Так, например, в Верхотурском Николаевском мужском монастыре в начале XX в. достаточно широко был распространен прием в насельники родителей с детьми во взрослом или подростковом возрасте (Адамовы, Борисовы, Бородулины, Вострокнутовы, Косенковы, Кулезневы, Лапухины, Малковы, Мельниковы, Мироновы, Окуловы, Ситниковы, Таскаевы, Тюрины) или братьев (Вершинины, Казанцевы, Лобоновы, Лопаткины, Медведевы, Пихтеревы, Полежаевы, Хвостовы). Однако, родственников в этом монастыре никогда не ставили на одни и те же послушания, стараясь приучить к тому, что теперь их семья — вся братия.⁹

Своеобразным было отношение монастырей и к грамотности своих насельников. В 1722 г., например, в Далматовском Успенском мужском монастыре лишь один монах из 41 был «русскому и польскому и латинскому языкам учен».¹⁰ В Далматовском Введенском женском монастыре в том же году 6 монахинь

⁶ Расчеты выполнены по материалам: ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271.

⁷ Расчеты выполнены по материалам: ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 681, 688, 719, 731.

⁸ Там же. Д. 681, 688.

⁹ Там же. Д. 681, 688, 719, 731.

¹⁰ Расчеты выполнены по материалам: ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 176. Л. 30б., 4.

были «книжному писанию учены», и еще одна «учена словенороссийской грамоте», т. е. грамотными были 7 из 75 монахинь.¹¹

Женские монастыри региона демонстрировали большее внимание к обучению грамоте, по сравнению с мужскими, и в XIX — начале XX вв. Так, в Верхотурском Николаевском мужском монастыре в начале XX в. 24% насельников были неграмотными, еще 4% — малограмотными, и 72% — считались грамотными, т. е. обладали начальными навыками чтения, письма, некоторыми познаниями в Священном Писании. Обычно они получали домашнее образование, не посещая никаких школ. Однако для принятия иноческого сана грамотность не имела никакого значения, и послушников, приходящих в обитель, не понуждали к самообразованию.

В то же время во многих женских монастырях проявляли заботу о научении насельниц чтению и письму. Например, в Екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре в 1866–1913 гг. неграмотными были лишь 17–18% сестер,¹² причем в 1912–1913 гг. 70% грамотных послушниц и монахинь получили образование в самом монастыре.¹³ Начальное образование в стенах обители получали не только дети, но и взрослые. Значительная часть девушек в возрасте до 30 лет, приходящих в обитель с желанием принять постриг, получали здесь навыки чтения и письма.

Даже отдаленный Колчеданский Покровский женский монастырь являл собой пример неустанного внимания к делу начального образования: в 1908 г., например, из 148 насельниц 115 (78%) получили начальное образование при этой обители (в школе или в виде «домашнего образования» под руководством грамотных сестер)¹⁴ Среди послушниц и монахинь Верхотурского Покровского монастыря в начале XX в. не менее 77% были грамотными, хотя и имевшими лишь навыки чтения и письма.¹⁵

Таким образом, анализ материалов БД показывает, что грамотность не считалась непре-

менным качеством избравших иноческий путь жизни, а признавалась лишь одним из каналов постижения истин христианского учения. Большое внимание женских монастырей к научению насельниц грамоте отражало, вероятно, их практическую потребность в певчих для хоров, которые в женских обителях были крупнее, чем в мужских, и именно с клиросного послушания обычно начиналось иноческое служение девочек. Однако на фоне массовой безграмотности женского населения России того времени вклад женских монастырей в дело образования бесспорен.

Интеграция сведений в БД по персоналиям из источников за несколько лет позволила оценить стабильность / «текучесть» состава насельников обителей в различные исторические периоды и тем самым получить качественные характеристики упрочения или ослабления монашеских локальных сообществ региона в исторической динамике.

Эта стабильность всегда была различной для мужских и женских монастырей, весьма различалась на разных стадиях существования обителей, но особо существенно — в монастырях штатных и общежительных.

Материалы по мужским обителям региона XVIII — середины XIX вв. показывают весьма нестабильный состав братии как до секуляризации 1764 г., так и после нее. Так, из 41 монаха, проживавшего в Далматовском Успенском монастыре в 1722 г., к 1733 г. выбыло 30, а к середине 1750-х гг. не осталось ни одного. Численность монашествующих с 1750-х гг. вплоть до 1870-х гг. колебалась в пределах от 1 до 15 человек, существенно обновляясь от года к году, что жестко корректировалось неблагоприятными отзывами о нравственном облике насельников и было обусловлено их социальным составом (вдовое духовенство, испытывавшее принуждение к поступлению в обитель). Существенные перемены в численности братии начали происходить только с 1904 г. — времени перевода обители на общежительные нормы, с чем были связаны коренные перемены и в образе жизни, и в социальном составе братии.¹⁶ Подобную динамику дает и Верхотурский Николаевский монастырь, только перемены, связанные с введением общежития, там про-

¹¹ Там же. Л. 50б.–10.

¹² См. для сравнения данные по уральским монастырям начала XX века: Нечаева М. Ю. Грамотность монашества Екатеринбургской епархии в начале XX века // Урал в прошлом и настоящем. Ч. I. Екатеринбург, 1998. С. 304–310.

¹³ Расчеты выполнены по материалам: ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719, 731.

¹⁴ Расчеты выполнены по материалам: ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 688.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Нечаева М. Ю. Грамотность монашества... С. 308.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Нечаева М. Ю. Далматовская братия XVIII — начала XX вв. // Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: история и современность. Екатеринбург, 2012. С. 28–50.

изошли на 10 лет раньше.¹⁷ С переводом на общежительные нормы коренным образом сократилась и «текучесть» насельников: если из монастырей и уходили, то только послушники (как правило, это случалось в первые год–два жизни). Это свидетельствовало о стабилизации обителей, о полной добровольности пребывания в них и о достаточно высоком уровне требований к послушникам, что способствовало улучшению нравственного климата в мужских монастырях.

Женские монастыри на всем протяжении своей истории показывали бóльшую стабильность состава, чем мужские. Например, из 75 монахинь, проживавших в Далматовском Введенском монастыре в 1722 г., до 1755 г. оставалось жить 18 человек, до 1762 г. — 11, до 1778 г. — 2.¹⁸

Новое поколение женских обителей XIX — начала XX вв. (история женского иночества на Среднем Урале была прервана секуляризацией 1764 г., уничтожившей все женские монастыри в регионе) строилось на основах общежительности: они начинали свой путь (а большинство и далее существовало) как заштатные монастыри, не получающие содержания от государства. Это заставляло монашеские общины ориентироваться исключительно на свои силы и служило серьезным испытанием верности монашеским идеалам. Добиваться статуса официально признанной общины, а тем более монастыря, приходилось десятилетиями, и те, кто выдерживал эти испытания, были истинными хранителями традиций иноческой жизни, передаваемых новым поколениям насельниц. Более строгая нравственная обстановка в женских общинах приводила к большей стабильности их состава.

Например, в Екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре, первом из новой плеяды женских обителей Среднего Урала, правила иноческой жизни, введенные его основательницей игуменьей Таисией, передавали последующим поколениям насельниц те сестры, которые пришли в монастырь в первые годы его существования. К 1861 г., например, половина монахинь (62 из 125) поступили в обитель еще при игуменье Таисии (т. е. до 1826 г.), а некоторые из них прожили здесь

вплоть до середины 1880-х гг., имея «стаж» пребывания в монастыре по 60–70 лет!¹⁹

Стабильность состава сестер была характерна и для других женских обителей региона. Например, в Верхотурском Покровском монастыре к концу 1907 г. проживала 151 насельница, год спустя — 163, к концу 1912 г. — 188, к концу 1913 г. — 194. Таким образом, за шесть лет сестричество увеличилось на 43 человека (в среднем по 7 человек в год). Покидали обитель немногие: например, в 1908 г. из нее ушли только 9 послушниц (6% численности насельниц за предыдущий год), а в 1913 г. — только 5 (2,7% состава обители за предыдущий год).²⁰

Систематизация материалов источников в виде БД позволяет говорить о том, что наиболее существенные изменения в жизни монастырей как локальных религиозных сообществ были связаны именно с введением в них штатных (необщежительных) или же общежительных норм. Это заставляет скорректировать выводы о практическом значении для монашества основных нормативных актов, появившихся в русле политики секуляризации синодального периода, таких, как Духовный Регламент, указы о запрете на постриг 1720–1730-х гг., указ о секуляризации церковной собственности 1764 г., указы конца XVIII — первой трети XIX вв. о материальном обеспечении монастырей.

Интеграция материалов в БД по персоналиям показывает систему не только формальных связей в монашеских сообществах, но и неформальных, практически не выявляемых по другим видам источников (на уральских материалах). Например, в некоторых монастырях складывались своеобразные «землячества», основу которых можно усмотреть разве что в системе личных контактов и неформального лидерства.

Так, среди насельниц Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря в 1866 г. было 16 человек из Колчеданской волости Камышловского уезда, 14 человек с Сысертского завода Екатеринбургского уезда, по 11 человек из Коневской волости Екатеринбургского уезда и из Арамашевской волости Верхотурского уезда, по 10 человек из Алапаевского завода Верхотурского уезда и из Троицкой волости Камышловского уезда.²¹ При более детальном

¹⁹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271.

²⁰ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 681, 688, 719, 731.

²¹ Этот список можно продолжать и далее: 9 человек были родом из Маминской волости Екатеринбургского уезда; по 8 человек — с Верх-Исетского завода и с Березовских приисков

¹⁷ См. об этом подробнее: Игумен Тихон (Затёкин), Нечаева М. Ю. Указ. соч. С. 126–211.

¹⁸ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 176. Л. 50б.–10; Д. 687. Л. 10, 100б.; Д. 1010. Л. 220б.–26.

анализе просопографических материалов можно определить динамику формирования таких «местных сообществ» и их вероятные «центры притяжения» среди насельниц. Подобные «землячества» существовали и среди насельниц Верхотурского Покровского и Красносельского Введенского монастырей, среди братии Верхотурского Николаевского монастыря, а, например, для Далматовского Успенского монастыря они были не характерны.

Данные о неформальных связях религиозных локальных сообществ (как внутри них, так и с окружающим миром) представляют уникальную возможность для микроисторического антропологически ориентированного изучения функционирования монашеских общин в региональных социумах.

К сожалению, рамки статьи не позволяют перечислить все выводы, сделанные на основе использования БД, и тем более представить

развернутую фактологическую аргументацию указанных выше выводов. Однако можно с полной уверенностью сказать, что машиночитаемые БД просопографического характера оказались весьма эффективным инструментарием научного познания.

Исследовательская направленность БД не исключает их использования для научного поиска. В частности, систематизация данных в таком виде позволила провести фронтальный поиск материалов следственных дел, раскрывающих судьбы репрессированного монашества в 1920–1950-е гг. и историю закрытия обителей. Зарекомендовали себя эти БД и в плане консультационной базы при поиске материалов по отдельным персоналиям, в чем неоднократно возникала и возникает потребность не только у историков, но и у представителей современной Русской Православной церкви региона.

Ключевые слова: база данных, просопография, монашество, православие, Русская Православная церковь, история религии, история России

Marina Yu. Nechayeva

Candidate of historical sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: atlasch@narod.ru

URALS MONASTICISM OF THE SYNODAL PERIOD: AN ATTEMPT OF CREATION AND USE OF PROSOPOGRAPHIC DATABASES

The article describes the work on creating and use for the research purposes of the two prosopographic databases for the monasteries and convents of the Middle Ural (1,440 and 5,513 persons respectively), compiled from 194 historical sources of 1722–1923; it demonstrates the heuristic potential of these databases and lists some academic conclusions made on the basis of their use for the research purposes.

Key words: database prosopografiya, monasticism, Orthodox, Russian Orthodox Church, the history of religion, the history of Russia

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Bragina Ye. M. *Narodnoe obrazovanie vo vtoroy polovine 40-kh–50-e gody (opyt sozdaniya bazy dannykh po materialam Zapadnoy Sibiri): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (Education in the second half of the 40s–50s (the experience of creating a database on materials of Western Siberia): summary of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences). Ekaterinburg, 1995, 22 p. (in Russ.).

Екатеринбургского уезда, из Бобровской волости Ирбитского уезда и из Волковской волости Камышловского уезда; по 7 человек — из Коптеловской волости Верхотурского уезда и с Арамилевского участка Екатеринбургских горных заводов; 6 человек — из Кишкинской волости Верхотурского уезда; по 5 человек — с Билимбаевского завода Екатеринбургского уезда и из Петропавловской волости Шадринского уезда (ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271).

Garskova I. M. Moscow: MGU; Göttingen: Göttingen Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994, 204 p. (in Russ.).

Grammatin A., *svyashchennik. Tobolskie eparkhialnye vedomosti* (Tobolsk Diocesan Gazette), 1889, № 17–18, pp. 363–376; № 19–20, pp. 397–405; № 21–22, pp. 432–441. (in Russ.).

Igumen Tikhon (Zatekin), Nechaeva M. Yu. Ekaterinburg: Izd-vo Yekaterinburgskoy eparkhii, Yabloko, 2006, 480 p. (in Russ.).

Kerskiy S. Ekaterinburg: Sinod. tip., 1892, 15 p. (in Russ.).

Lavrinov V. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001, 336 p. (in Russ.).

Mazur L. N. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2010, 606 p. (in Russ.).

Nechaeva M. Yu. *Svyato-Uspenskiy Dalmatovskiy monastyr — dukhovnyy tsentr Zauralya: istoriya i sovremennost: sb. nauch. tr.* (Holy Dormition Monastery Dalmat — the spiritual center of Trans-Urals: History and Modernity: collected papers). Ekaterinburg: Izd-vo AST, 2012, pp. 28–50. (in Russ.).

Nechaeva M. Yu. Ural v proshlom i nastoyashchem “Materialy nauchnoy konferentsii” (Urals, past and present “Materials Science Conference”). Ekaterinburg: IIA UrO RAN, Part 1, 1998, pp. 304–310. (in Russ.).

Nechaeva M. Yu. *Za stenami drevney obiteli. Chetyre veka istorii Verkhoturuskogo Nikolaevskogo monastyrya* (Behind the walls of an ancient monastery. Four centuries of history Verkhoturusk Nicholas Monastery), Available at: <http://atlasch.narod.ru> (accessed 25 June 2012) (in Russ.).

Obtemperanskiy A. *Yekaterinburgskie eparkhialnye vedomosti* (Yekaterinburg Diocesan Gazette), 1910, № 25, pp. 500–505; № 26, pp. 518–522; № 27, pp. 543–554. (in Russ.).

Pavlovskiy S. *Yekaterinburgskie eparkhialnye vedomosti* (Yekaterinburg Diocesan Gazette), 1904, № 12, pp. 263–281. (in Russ.).

Perechen tematicheskikh baz dannykh federalnykh i regionalnykh arkhivov (The list of thematic databases of federal and regional archives). Available at: <http://www.rusarchives.ru/bd/list.shtml>. (accessed 25 June 2012). (in Russ.).

Problemy sozdaniya edinogo elektronnoy bank dannykh zhertv politicheskikh repressiy v SSSR “Sbornik dokladov uchastnikov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii” (The problems of creating a single electronic database of victims of political repressions in the USSR “Collection of participants’ reports of the international scientific-practical conference”). Nizhny Tagil: Izd-vo NTGPI, 2001, 187 p. (in Russ.).

Razinkov S. L. *Sotsialnyy portret i sudby sovetskikh nemtsev — trudarmeytsev, mobilizovannykh v lagerya NKVD na territorii Sverdlovskoy oblasti v 1941–1946 gg.: opyt sozdaniya i primeneniya elektronnoy bazy dannykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (Social portrait and the fate of Soviet Germans — trudarmeytsev mobilized in camps of the NKVD in the Sverdlovsk region in 1941–1946 years: The experience of creation and application of electronic database: summary of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences). Ekaterinburg, 2001, 24 p. (in Russ.).

Regionalnyy bank dannykh: Ural v KhKh v.: tezisy rabochego soveshchaniya, noyabr 1993 g. (Regional Data Bank: the Urals in the twentieth century: Abstracts of the workshop, November 1993). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1993, 106 p. (in Russ.).